

На правах рукописи

Шуб Мария Львовна

**ОБРАЗ ПРОШЛОГО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора культурологии

Челябинск – 2018

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»

Официальные оппоненты:

Бурлина Елена Яковлевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Гун Галина Евгеньевна, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Челябинской области «Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М.И. Глинки».

Ильинская Елизавета Александровна, доктор культурологии, профессор кафедры социально-культурных технологий Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры».

Защита состоится «20» декабря 2018 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 210.020.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный институт культуры» по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а, 1 корпус, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Челябинского государственного института культуры ([http:// chgik.ru/](http://chgik.ru/)).

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Past-проблематику в современной гуманитаристике можно, безусловно, назвать чрезвычайно востребованной. Подобная актуальность прошлого связана, на наш взгляд, с целым рядом причин.

1. Причины психологического порядка. В данном случае можно обозначить два аспекта. Во-первых, актуализация прошлого коррелирует с галопирующими темпами прогресса современного общества, с революционной футуризацией жизни, создающими психологический дискомфорт для среднестатистического человека, не успевающего за темпами обновления, трансформации и модернизации бытия. В прошлом же он обретает некую устойчивость, компенсируя, таким образом, утрату «чувства знакомого» (Г. Люббе) в культуре.

Во-вторых, обращение к феномену прошлого во многом связано и с естественной, интемпоральной психологической потребностью человека противопоставлять себя «одномерной повседневности» (Я. Ассман), лишенной других измерений реальности. Прошлое, таким образом, становится способом спасения и освобождения современного человека от «тоталитаризма настоящего» (В. Беньямин).

2. Причины коммуникационного порядка. Усиление интереса к феномену прошлого связывается с появлением новых электронных, виртуальных форм хранения и передачи информации (в том числе и информации о прошлом), что, по мнению А. Ассман, может считаться третьей культурной революцией после изобретения письменности и книгопечатания. Использование таких технических новаций, с одной стороны, позволяет создавать практически безграничный по объему «архив прошлого», а, с другой – с особой остротой ставит вопрос о выработке новой стратегии запоминания и забвения. Кроме того, интенсификация виртуальных форм коммуникации неизбежно приводит к постепенной атрофии традиционных механизмов передачи социального опыта, утрате аутентичной, встроенной в тело культуры памяти, к существенной трансформации средств и механизмов ее межпоколенной трансляции.

3. Причины научно-методологического порядка. В связи с процессами демократизации истории как области научного знания и познания, обусловленными во многом усилиями представителей постмодернизма, с обнаружением ранее неизвестных или засекреченных исторических фактов и легализацией их авторских и порой вненаучных трактовок, произошли существенные изменения в понимании того, кто и как может заниматься изучением прошлого. Если раньше право доступа к нему было достаточно жестко закреплено за учеными-историками, а процесс его познания был достаточно жестко регламентирован, то во второй половине XX столетия наступает время борьбы против «тоталитарной истории» (С. Крейн). Сегодня любой человек имеет право на собственную интерпретацию прошлого и

публичную презентацию ее результатов. Это порождает расширение круга субъектов исторического познания и интенсифицирует обращение к past-проблематике.

4. Причины политико-идеологического порядка. Прошрое (надо отметить, что это было всегда) является предметом политических манипуляций, а нередко и спекуляций. Несмотря на лозунг о демократизации и плюрализации исторического знания, выдвинутый постмодернистами, прошрое продолжает оставаться эффективным инструментом управления: конструируется «адекватная» история, оправдывающая и подкрепляющая современность, в представлениях о прошлом культивируется то, что способно удовлетворить актуальные запросы настоящего, и предается забвению то, что эти задачи не решает.

Кроме того, политический аспект интереса к прошлому именно в России связан еще с одним нюансом. Небезызвестно, что в нашей стране уже довольно давно (в связи с утратой коммунистической идеологии) идут поиски новой объединяющей национальной идеи. На фоне множества предлагаемых вариантов особенно активно выдвигается мысль о том, что этой идеей мог бы стать патриотизм, основанный на чувстве гордости за славное российское (русское, советское) прошрое, культурное наследие, героические страницы истории. Такую возможную стратегию развития России И. Калинин назвал «ностальгической модернизацией», т. е. системой внедрения новационных, прогрессивных технологий и общих модернизационных процессов вместе с актуализацией ретроориентированных патриотических настроений.

5. Причины социокультурного порядка. Усиление интереса к проблеме прошлого обусловлено еще целым рядом обстоятельств. К ним можно отнести так называемый посттравматический синдром современной культуры, обусловленный социокультурными потрясениями XX столетия (обе мировые войны и иные вооруженные конфликты, геноциды и пр.). В таком контексте прошрое стало интерпретироваться в категориях травмы, вины, раскаяния и др., а его осмысление интенсифицироваться в связи со «страхом забвения», с потребностью в консервации максимально объективной информации об этих потрясениях, стремлением к сохранению памяти о них, к извлечению опыта на предельно продолжительное время. Однако если до недавнего времени наполненное подобного рода травмами прошрое порождало риторику раскаяния виновных и чувства неоплаченного долга перед жертвами, то в последние десятилетия эти чувства сменились на прямо противоположные – на наших глазах в европейской общественной и научной риторике происходит пересмотр результатов и нравственной природы страшнейших событий прошлого столетия, синдром покаяния сменяется синдромом агрессии, а стремление «помнить вечно» – желанием «забыть навсегда».

Интерес к прошлому обусловлен и усилением процессов национальной, этнической, культурной, групповой идентификации, построенной на общности исторической судьбы как символа единства группы. Формирование такого символа, идеи уникальности или даже избранности той или иной группы или в целом государства невозможно без анализа общего для группы прошлого, ее истории, культурной памяти и т. п.

Сложно адаптируемые индивидуальным и коллективным сознанием темпы развития и научно-технического прогресса, девальвация «больших объяснительных систем» или метаповествований (Ж.-Ф. Лиотар), которыми выступали в разные эпохи религия, философия, наука, приводят к потере не просто мировоззренческой опоры современного человека, но и к утрате сверхсмысла бытия. Суть этой утраты нередко выражается в отсутствии национальной идеи, источником которой может стать общее для группы прошлое, точнее его конструируемый в актуальной культуре образ.

Ряд исследователей указывают еще одну причину активизации усилий по изучению прошлого – художественную ностальгию. «Созидательная импотенция» (А. Ассман), невозможность в сфере культуры создать что-то новое, выводящее на иной уровень осмысления мира, обладающее новыми прорывными качествами, порождает свою противоположность в форме сохранения и музеефикации. В этом контексте прошлое превращается в мощный, реанимирующий художественное бытие настоящего ресурс.

Интерес к прошлому очевиден и на повседневно-практическом уровне. Говоря о последнем, следует вспомнить огромное количество театральных, кино- и песенных ремейков и ремиксов, набирающих популярность продуктов СМИ, в основе которых лежит «реанимация» прошлого.

В отличие от других гуманитарных наук, чьим предметом изучения является минувшая реальность (история, археология, антропология и др.), культурология акцентирует внимание не столько на реконструкции объективной картины прошлого, сколько на осмыслении конструируемого в пространстве культуры *образа* прошлого. Такой исследовательский ракурс позволяет не только воссоздать темпоральную картину мира (представления о прошлом), характерную для определенного периода развития культуры, но и более глубоко осмыслить ее ценностные, нормативные, идеологические и иные параметры (представления носителей культуры о самих себе). Особый эвристический потенциал культурологическое осмысление образа прошлого приобретает в отношении актуальной культуры, исследование которой затруднено не только ее сверхдинамичностью, но и отсутствием исторической дистанции «от самой себя». «Отражение» настоящего в «зеркале» прошлого, в его сконструированном образе помогает более четко определить внутреннюю логику, закономерности и тренды развития современного общества. Этот аспект определяет значимость изучения образа

прошлого для культурологии как науки – и в контексте изучения истории культуры, и в контексте решения прикладных культурологических задач.

Таким образом, можно сказать, что и научный, и повседневный интерес к феномену прошлого обусловлен не отдельным аспектом развития современной социокультурной ситуации (локальная актуальность), а ее комплексным состоянием. Кризис идентичности, стремительные темпы прогресса и их последствия, глобальные проблемы – все это оборачивается потребностью в глубоком, системном осмыслении не столько прошлого «самого по себе», сколько прошлого как обратной стороны настоящего, прошлого как зеркала, в котором отражается современность и потому способна увидеть в нем и саму себя, и собственные проблемы, и пути их преодоления.

Степень научной разработанности темы. Феномен прошлого чрезвычайно сложен, многогранен, содержательно объемён и глубок, что неизбежно детерминирует направленное на него разностороннее исследовательское внимание.

Так, прошлое рассматривается в контексте социальных взаимодействий, как феномен, порожденный социальной реальностью и одновременно влияющий на нее. Такой взгляд на прошлое разделяли Т. Адорно, Э. Дюркгейм, Дж. Г. Мид, А. В. Полетаев, И. М. Савельева, М. Хальбвакс, и др. В русле этого же теоретико-методологического подхода сложилась социологическая традиция осмысления прошлого (Н. В. Зыбуновская, Ю. Левада, А. Н. Покида, З. Сикевич и др.), позволяющая отследить проблематику прошлого в режиме реального времени, оценить степень и формы его включенности в актуальную социокультурную ситуацию с помощью методического инструментария социологии.

В философской, в частности, интуитивистской (А. Бергсон), феноменологической (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти), герменевтической (Х.-Г. Гадамер), экзистенциалистской (М. Хайдеггер) традиции прошлое осмысляется вне конкретного культурно-исторического контекста как абстрактная категория, связанная с понятиями более широкого смыслового спектра – время, сознание, бытие, познание и др. В рамках постмодернистского подхода (Ж. Бодрийяр, Ю. Кристева, У. Эко и др.) прошлое трактуется как симулятивное по природе и ризоматичное по структуре пространство, выступающее в роли «источника созидательных импульсов» для современности.

Семиотический подход, представленный в нашей диссертации работами Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, прошлое интерпретирует как полиглотичное (многоязыковое) пространство, мета-информационную знаковую систему с закодированными ценностно-нормативными, коммуникативно-действенными, идеологически-ментальными и другими сценариями.

Одним из наиболее значимых для нашей работы и наиболее широко представленных в специализированной научной литературе можно назвать

исторический ракурс изучения прошлого. Прошлое традиционно является предметной средой профессионального изучения истории как области научного знания, а потому любое историческое исследование – это исследование прошлого. Однако в ракурсе нашей диссертации интерес представляли лишь те из них, в которых прошлое выступает непосредственным предметом теоретико-методологического осмысления (философия истории). Среди авторов, в круг интересов которых входили указанные аспекты изучения прошлого, можно отметить Августина Блаженного, Ф. Ариеса, Ф. Артога, Дж. Вико, Ж. Ле Гоффа, Р. Дж. Коллингвуда, Ф. Лурье, А. Мегилла, У. Онга, Й. Рюзена, П. Х. Хаттона и др.

Проблема определения сущностных параметров прошлого и различения его от настоящего локализуется на границе всех указанных подходов. Ее решение виделось разным ученым по-разному: как методологическая спецификация *past*-ориентированных исследований (А. Анисов, Р. Коллингвуд, А. Мегилл, Р. Фоули), как концептуализация категории разрыва (Ф. Анкерсмит, Я. Ассман, Р. Козеллек, М. де Серто), как буферизация прошлого и настоящего (Э. Гуссерль, Дж. Г. Мид, М. Оукшот) и даже как отрицание самой возможности осуществления процедуры различения (Б. Бевернаж, К. Лоренц, Й. Рюзен, И. Хейзинга).

Наибольшее значение для нашей работы имел целый ряд культурологических исследовательских направлений, ориентированных на осмысление тех или иных аспектов социокультурного бытования прошлого.

Проблемы историко-культурной динамики образов прошлого, исторической изменчивости коллективного восприятия минувшей реальности составляют отдельное направление культурологических исследований.

Содержание темпоральной картины мира, сложившейся в архаических культурах, стало предметом научного интереса М. Барга, И. Хасанова (проблема архаичной атемпоральности), И. М. Савельевой и А. В. Полетаева (специфика восприятия прошлого), Ж. Ле Гоффа, Е. Мелетинского, М. Элиаде (восприятие времени в контексте мифологической модели мира, религиозных представлений и магическо-обрядовой деятельности).

Эволюцию античных (древнегреческих и древнеримских) представлений о времени в целом и о прошлом, в том числе, рассматривали Ф. Арьес, М. Барг, Ж. П. Вернар, Г. Кнабе, А. Ф. Лосев, А. В. Полетаев, И. М. Савельева, Е. Суриков, И. Хасанов, Ю. Г. Чернышов, В. Шкуратов.

Образ прошлого, сложившийся в культуре Средних веков, реконструировался нами на основе трактатов средневековых мыслителей (Августин Блаженный, Бернард Шартрский, Иоанн Сольсберийский и др.), а также работ представителей школы Анналов, направленных на осмысление картины мира средневекового человека (Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич). Отдельно можно отметить круг исследований, в которых восприятие про-

шлого в средневековой культуре рассматривалось в контексте категорий жизни и смерти, памяти и забвения (Ф. Арьес, Ю. Арнаутова, П. Гири).

Ценностный статус прошлого в структуре философско-гуманистических идей культуры итальянского Возрождения, специфика взаимодействия актуальности и наследия, природа и проявления агонистического характера такого взаимодействия выступали предметом научного интереса М. Барга, Ю. Ивановой, Ж. Ле Гоффа, Д. Лоуэнталя, О. Розенштока-Хюсси, Э. Панофского.

Трансформация образа прошлого в европейской культуре Нового времени, его дезаксиологизация и дискредитация на фоне растущей популярности идей рационализма и идеологии Просвещения также стали объектом внимания целого ряда ученых. Столкновение интеллектуальных элит, одна из которых (научно-философская) интерпретировала прошлое как препятствие на пути прогресса, а вторая (художественная) – как источник вечных истин и непревзойденных шедевров попало в поле зрения М. Барга, Р. Ю. Виппера, Ю. Б. Виппера, Д. Лоуэнталя, А. Паламарчука, Р. Коллингвуда, С. Федорова.

Изменения ментальной, темпоральной среды новоевропейской культуры, мутация традиционного социокультурного статуса прошлого, детерминированная, в том числе, и деформацией привычной картины мира, галопирующими темпами прогресса, были рассмотрены в работах Ж. Ле Гоффа, П. Нора, П. Шоню, И. Эрман.

Отдельную группу источников составляют труды активных участников социокультурного процесса XVII–XIX вв. – писателей (Дж. Свифт, Г. Болингброк, Б. Фонтенель, Дж. Рескин), историков (Э. Гиббон), философов (Ф. Бэкон, Ш. Монтескье), теоретиков искусства (Н. Буало, Дж. Стайнер).

Новые тенденции в восприятии прошлого в XX – начале XXI веков отражены сквозь призму наиболее значимых философско-эстетических идей модернизма и постмодернизма (И. Ильин, Н. Б. Маньковская), нового темпорального режима социокультурного бытия (Ф. Артог, А. Ассман, П. Нора), категории культурной травмы (Т. Адорно, Р. Айерман, Х. Арендт, Д. Хапаева, П. Штомпка).

Попытки обобщения основных тенденций развития мирового историко-культурного процесса предпринимали авторы хроно-типологий культуры (типологических построений, основанных на выделении культурных моделей восприятия времени, прошлого, в том числе): Ф. Артог, М. С. Каган, К. Леви-Стросс, Ж. Ле Гофф, М. Мид, П. Штомпка.

Отдельную группу работ составляют исследования памяти. Ее индивидуальные проявления (память как феномен индивидуального сознания) рассматривались в трудах Платона, Аристотеля, Плотина, Дж. Локка, А. Бергсона, Э. Гуссерля, П. Рикера.

Надындивидуальные формы памяти, которые в риторике отдельных авторов имели самые разнообразные наименования (социальная, коллек-

тивная, историческая, культурная, автобиографическая и др.), стали предметом разновекторного анализа целой группы исследователей.

Так, Дж. Вико и А. Варбург изучали память в контексте изобразительных символов культуры; П. Бергер, Т. Лукман, А. Щюц, М. Хальбвакс – сквозь призму социального опыта, обыденного знания, повседневности и детерминированности «референциальными рамками» (общественными ценностями и нормами). Ж. Ле Гофф, Ю. М. Лотман, У. Дж. Онг, Б. А. Успенский, В. Шкуратов, П. Хаттон выявляли историко-культурную специфику двух наиболее масштабных типов памяти, соответствующих двум этапам развития мировой цивилизации – письменной и дописьменной.

Типологические основания феномена коллективной памяти рассматривались также в работах А. Ассман, А. Леруа-Гурана, А. Эткинда. Я. Ассман и Х. Вельцер выделяли два наиболее целостных и исторически устойчивых типа памяти – коммуникативную (память поколений) и культурную («политика памяти»). Последняя (в контексте функционирования современных социокультурных институций) стала объектом внимания П. Нора, автора крупнейшего культурологического труда «Франция-Память».

Проблема соотношения памяти и истории интересовала Ж. Ле Гоффа, А. Мегилла, А. В. Полетаева, И. М. Савельеву, Л. П. Репину, Й. Рюзена.

Работы, посвященные феномену коммеморации как форме объективации содержания культурной памяти, можно разделить на три блока, каждый из которых ориентирован на собственный исследовательский фокус: функциональный (социокультурные функции коммеморации), представленный трудами А. И. Макарова, А. Мегилла, Л. Мильорати, Л. Мори, П. Хаттона, Д. Шерман; морфологический, ориентированный в большей степени на анализ конкретных форм коммеморативной деятельности (А. В. Полетаев, И. М. Савельева); и системный, в рамках которого коммеморация рассматривается как сложный феномен в единстве его типологического и функционального разнообразия (П. Нора, Е. Романовская, А. В. Святославский, Н. Фоменко, Ж.-Ш. Шурек).

Значимыми представляются и исследования, представляющие собой пример, условно говоря, расфокусированного взгляда на коммеморацию, при котором феномен коммеморации рассматривался лишь в контексте иной социокультурной проблематики: Я. Ассмана (идея культурных мнемотехник), П. Бергера и Т. Лукмана (феномен символического универсума), Э. Дюркгейма (ритуальное сопровождение ценностно-значимой деятельности), Л. Г. Ионина (концепция «культурных инсценировок»), П. Рикера (концепция памяти-долга), Й. Рюзена (стратегии влияния памяти на современную культуру), Э. Хобсбаума (феномен «изобретенных традиций»).

Рассмотрение культурной памяти в ее действенно-прикладном аспекте («политика памяти») обусловило обращение к проблемам культур-

ной политики как целенаправленной деятельности, ориентированной на развитие общества в рамках селективных, пропагандируемых, внедряемых ценностей и норм. Такой подход нашел отражение в работах О. Н. Астафьевой, Л. Е. Вострякова, Н. В. Ижиковой, С. Б. Синецкого, А. Я. Флиера – авторов, в значительной мере формирующих современную методологию культурной политики.

Таким образом, можно констатировать разнообразие исследовательской литературы, в том или ином ракурсе освещающей проблему прошлого. Однако такое разнообразие, которое, казалось бы, должно свидетельствовать о наивысшей степени актуальности проблемы, ее предельной разработанности, нередко переходит в информационную избыточность, а обилие интерпретативных подходов далеко не всегда коррелирует с их содержательной эвристичностью и новизной. В совокупности это неизбежно приводит к доминированию количественно выраженного интереса над его качеством.

На основании чего **проблема диссертационного исследования** нам видится:

– в отсутствии культурологической концепции, объединяющей теоретико-методологические, историко-культурные и прикладные основания осмысления прошлого; раскрывающей специфику формирования и историко-культурной трансформации образов прошлого, формы и механизмы их влияния на актуальную культуру;

– в отсутствии системного использования действенно-преобразовательного потенциала эмпирических исследований образа прошлого при разработке и реализации стратегических программ культурной политики, направленных на решение актуально значимых проблем.

Цель исследования: на основе концептуализации образа прошлого как феномена культуры выявить его сущностные характеристики, историко-культурные типы, формы репрезентации и инструментально-методические возможности диагностики образа прошлого в современном социокультурном пространстве.

Задачи:

1. Опираясь на анализ многообразия подходов, реализуемых в гуманитарных науках, определить основания концептуальной интерпретации феномена прошлого;

2. Обосновать специфику культурологического осмысления прошлого; определить сущностные черты образа прошлого;

3. Проанализировать эволюцию образа прошлого от первобытной культуры до современности, выявив специфические для каждого исторического этапа типы восприятия прошлого;

4. Разработать авторскую *past*-типологию культуры на основе различных образов прошлого и обосновать ее исследовательский потенциал;

5. На основе анализа теоретических подходов к осмыслению индивидуальной памяти разработать ее содержательную и морфологическую модели;

6. Концептуализировать феномен культурной памяти, определив ее сущностные и структурно-функциональные параметры;

7. Дать авторскую интерпретацию феномена коммеморации как формы объективации содержания культурной памяти с позиции ее специфических черт и функционально-типологических оснований;

8. Осуществить анализ актуального образа прошлого, сформированного в обыденном сознании современных россиян;

9. Определить и проанализировать формы репрезентации прошлого в пространстве публичного государственно-политического дискурса;

10. Разработать и реализовать методику изучения культурной памяти в пространстве городской инфраструктуры (на примере коммеморативных практик).

Объект исследования: Образ прошлого как феномен культуры.

Предмет исследования: Концептуальные основания осмысления, сущностные, структурно-функциональные, типологические характеристики образа прошлого как феномена культуры и формы его репрезентации в современном социокультурном пространстве.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну:

– на основе обобщения и систематизации многообразия гуманитарных концепций выделены теоретико-методологические основания к осмыслению прошлого; определена специфика культурологического изучения прошлого как объекта социокультурного конструирования (past-концептуальность);

– разработана концепция образа прошлого как феномена культуры – конструируемого образа темпоральной реальности, предшествующей настоящему; обоснованы сущностные черты образа прошлого, выделены ключевые социокультурные условия его формирования;

– разработаны и введены в научный оборот как элементы культурологического дискурса такие понятия и соответствующие им термины, как «образ прошлого», «хронотипология культуры», «past-типология культуры»;

– впервые на основе анализа исторической динамики социокультурной рефлексии прошлого (на примере европейской культуры от архаики до современности) разработаны: периодизация культурно-исторического процесса, основанная на выделении специфических типов образа прошлого, характерных для различных исторических эпох и отражающих сущностные черты отношения к нему; past-типология культуры, в которой прошлое предстало критериальным основанием, призмой, сквозь которую

преломляется весь культурно-исторический процесс в целом и развитие отдельных культур в частности;

– зафиксированы и содержательно определены отличительные черты современного этапа развития культуры в отношении образа прошлого («смерть прошлого», темпоральный разрыв, радикальный презентизм, темпоральное ускорение, виртуализация прошлого, травматизация прошлого, ретро-мания);

– выделены причины актуализации проблематики культурной памяти как формы репрезентации прошлого в культуре (кризис идентичности, кризис информации, кризис традиции, посттравматический синдром); на основе обобщения существующих подходов к осмыслению надындивидуальной памяти («память как архив», «память как коммуникация» и интегративный подход) предложена авторская концепция культурной памяти (сущностные черты, функции, механизмы трансляции в социальной структуре общества);

– впервые создана структурно-функциональная модель коммеморации, представленная в единстве следующих компонентов: коммеморативное ядро, коммеморативный символ и коммеморативная функция; определены значимые признаки коммеморации, разработана типология коммеморативных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом;

– предложена и апробирована авторская методика темпоральной диагностики, направленная на: выявление и интерпретацию образа прошлого, сложившегося на уровне обыденного сознания (past-реконструкция); выявление основных содержательных компонентов культурной памяти, транслируемых в публичном государственно-политическом дискурсе (past-репрезентация); определение механизмов объективации содержания культурной памяти в пространстве коммеморативных практик (past-фиксация).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость представленного диссертационного исследования видится в концептуализации образа прошлого как феномена культуры. Так, в работе определена специфика культурологического осмысления прошлого как минувшей реальности, формой социокультурной репрезентации которой является *образ прошлого*, конструируемый и транслируемый той или иной культурой и одновременно определяющий ее специфические черты (past-концептуальность); выделены сущностные параметры образа прошлого; продемонстрировано разнообразие историко-культурных типов образов прошлого и выработана на этом основании past-типология культуры; представлена концепция культурной памяти; разработана структурно-функциональная модель коммеморации. Кроме того, разработана авторская методика изучения различных форм репрезентации

образа прошлого в современной культуре. Результаты ее апробации позволяют делать выводы о некоторых закономерностях и тенденциях развития современной российской культуры, а также, хотя и с определенной долей осторожности, – прогнозы относительно ее ближайшего будущего.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в педагогическом процессе, при подготовке основных образовательных курсов по культурологии, истории культуры, истории искусства, культурной политике, социокультурному менеджменту. Практическая значимость диссертации видится в возможности использования результатов исследования для разработки и внедрения специализированных учебных курсов для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «51.03.01 Культурология», «46.03.01. История», «500301 Искусства и гуманитарные науки», «500303 История искусств», «51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного значения», а также для обучающихся по дополнительным профессиональным программам: «Традиции и новации в культуре», «Историко-культурная динамика представлений о прошлом», «Культурная память и коммеморативные практики в системе государственной и региональной культурной политики».

Авторский подход к пониманию сущности образа прошлого и объективированных форм его социокультурного бытования (культурная память, коммеморативные практики) может быть применен при разработке стратегических планов развития культуры, концептуальных и проектных основ культурной политики регионального и всероссийского уровней.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методология исследования базируется на принципах целостности (рассмотрение образа прошлого как самостоятельного феномена культуры и, в то же время, как базового элемента и подсистемы духовной культуры социума) и множественности (признание эвристической ценности и перспективности применения различных подходов и концептуальных направлений в интерпретации прошлого).

В понимании культуры доминантным выступал ценностный подход, позволяющий интерпретировать ее как совокупность ценностей (наиболее значимых достижений в материальной и духовной сферах) человеческого бытия.

Также диссертанту близки трактовки культуры А. Я. Флиера, определяющего культуру как систему согласованных процедур и способов коллективного существования и взаимодействия людей, основанных на ценностных критериях и нормативных технологиях; и Ю. М. Лотмана, интерпретирующего культуру как коллективную память и надындивидуальный механизм хранения и передачи текстов. Наиболее ценным в семиотическом подходе Ю. М. Лотмана оказываются представления о синхронизации текстов прошлого и настоящего, формирующих актуальное пространство культуры.

Ориентация на принцип дополнительности позволила учесть достижения различных гуманитарных подходов к исследованию прошлого: социологического, философского, семиотического, исторического. Однако базовой основой теоретико-методологического анализа стал комплекс культурологических концепций, в основе которых лежит понимание прошлого как воображаемой (а не объективно данной) реальности, которая, с одной стороны, моделируется настоящим и используется им для самопознания, для решения наиболее острых проблем, а, с другой – существенным образом определяет облик современности, мировоззренческие ориентиры, систему ценностей, норм и модели поведения. Наиболее ярким примером такого подхода в осмыслении прошлого стали концептуальные положения *memory-studies*, или история памяти (Я. Ассман, П. Нора).

При конкретизации содержательно-смысловых разграничений модусов времени диссертант придерживался понимания прошлого как принципиально Другого (но не чужого) по отношению к настоящему. В рамках данной исследовательской установки были учтены концептуальные положения Я. Ассмана о неразрывной связи темпоральных модусов («недавнее прошлое» и «время истока»), идеи «ретенциального сознания или первичной памяти» Э. Гуссерля и смысловые разграничения в анализе прошлого Р. Козеллека («прошлое настоящего» и «чистое» прошлое).

При разработке авторской *past*-типологии культуры были учтены идеи П. Штомпки, выделившего ключевые аспекты в структуре и специфике осознания и восприятия времени: уровень осознания; глубина осознания; динамическая модель времени; доминирующий модус времени; специфика восприятия будущего; специфика хроноориентированных ценностей.

Образ прошлого предстал в диссертации в виде познавательной теоретической модели по аналогии с «идеальными типами» М. Вебера. Представление образа прошлого в виде умозрительного построения сделало возможным осуществление содержательного, функционального и типологического анализа, позволяющего установить видовые отличия и сходства разнообразных типов прочтения прошлого в различные периоды в истории культуры.

В осмыслении проблемы реконструкции образа прошлого диссертант опирался на концепцию темпоральных символических универсумов (И. М. Савельева, А. В. Полетаев) как источников коллективных представлений о прошлом.

Использование типологического анализа позволило разграничить модели образа прошлого, характерные для различных исторических эпох и отражающие концептуальные черты отношения к нему; систематизировать сложившиеся типологии культуры, основанные на критерии восприятия времени (М. Мид, Ж. Ле Гофф, К. Леви-Стросс, М. С. Каган, Я. Ассман, Ф. Артог); выработать собственную *past*-типологию культуры.

При изучении надындивидуальной памяти были учтены следующие исследовательские концепции: социальная (Э. Дюркейм, М. Хальбвакс, А. Шюц, Т. Лукман, П. Бергер и др.), семиотическая (Ю. М. Лотман), историко-культурная (П. Нора, Я. Ассман), структурно-функциональная (А. Варбург, П. Рикер, А. Ассман, А. Леруа-Гуран, И. М. Савельева, А. В. Полетаев), историческая (А. Мегилл, И. Рюзен).

Осмысление феномена коммеморации в диссертационном исследовании основывалось на функциональном, морфологическом и системном подходах, что позволило выстроить авторскую модель коммеморации в единстве сущностных и структурно-функциональных компонентов.

В целом, интерпретативные границы феномена коммеморации в диссертации рассматривались в широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции культурной памяти до конкретно-деятельностных форм ее воплощения.

Осмысление коммеморативных практик в диссертации осуществлялось с опорой на концепцию культурных инсценировок Л. Г. Ионина и представлений П. Нора о коммеморативных симулякрах или «местах памяти».

Эмпирическая направленность диссертационного исследования связывалась с возможностями осуществления социокультурной транслитерации образа прошлого (переориентации исследовательского ракурса с уровня познания абстрактного феномена на уровень реальной социокультурной практики), изучением прошлого в его «естественной среде обитания» (в масштабах бытия конкретного человеческого коллектива с определенным набором ценностей, норм, стереотипов, целей и пр.), осмыслением прошлого как явления, детерминирующего культурные основания и детерминируемого ими, использовании его ресурсов в решении значимых актуальных проблем на разных этапах социокультурного развития общества.

При реализации авторской методики темпоральной диагностики современного социокультурного пространства использовались методы: качественный (нарративный анализ инаугурационных речей президентов США и России, текстов выступлений перед Сеймом польских премьер-министров – 14 стенограмм), количественный (массовый опрос жителей г. Челябинска, 550 респондентов согласно квотной выборке) и качественно-количественный (контент-анализ наименований улиц, мемориальных досок и мемориальных памятников в Челябинске – 476 единиц).

Положения, выносимые на защиту.

1. Феномен прошлого при всем многообразии гуманитарных концепций интерпретируется в рамках двух наиболее общих ракурсов:

– Интериорного (рассмотрение прошлого вне социокультурного контекста как «самозамкнутого» явления, как результата деятельности индивидуального сознания): представлен социальными и философскими концепциями прошлого;

– Экстериорного (осмысление прошлого в групповом, коллективном измерении и сквозь призму культурного контекста его бытования): находит отражение в исторических (объективное познание и реконструкция прошлого) и культурологических (осмысление прошлого как объекта социокультурного конструирования) концепциях.

Теоретико-методологическим основанием культурологического осмысления феномена прошлого является *past*-концептуальность – система интерпретации прошлого как минувшей (предшествующей настоящему) реальности, формой социокультурной репрезентации которой является образ прошлого, конструируемый и транслируемый той или иной культурой и одновременно определяющий ее специфические черты.

2. Под образом прошлого понимается совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных (коллективных) представлений о прошлом, которые, с одной стороны, отражают характерные и значимые для данной культуры установки (актуалистски-детерминированный характер), а с другой – оказывают значительное влияние на их формирование (актуалистски-детерминирующий характер).

Сущностными чертами образа прошлого можно назвать: конструируемость, опосредованность, устойчивость, социокультурную детерминированность, субъективность, ценностную окрашенность, темпоральный дуализм.

Социокультурными условиями, обеспечивающими формирование образа прошлого, являются: 1) дистантность (порождение в сознании человека или группы ощущения границы между прошлым и настоящим, восприятия прошлого как Другого по отношению к настоящему); 2) необратимость (восприятие прошлого как тотально невозвращаемого, ушедшего навсегда); 3) востребованность (осознание действительно-преобразовательного потенциала прошлого, пригодного для решения значимых в условиях настоящего проблем).

3. Эволюция образов прошлого в историко-культурной ретроспективе предстает динамической сменой следующих типов: первобытная культура – «фантомное прошлое»; античная культура – «фрактальное прошлое»; культура Средних веков – «полифоническое прошлое»; культура итальянского Ренессанса – «реинкарнированное прошлое»; Европейская культура Нового времени – «контрапунктное прошлое»; Европейская культура Новейшего времени – «рандомное прошлое».

Отличительными чертами современного этапа развития культуры (в отношении образа прошлого) становятся: «смерть прошлого», темпоральный разрыв, радикальный презентизм, темпоральное ускорение, виртуализация прошлого, травмирование прошлого, ретро-мания.

4. Культурно-историческая специфика образов прошлого выступает важным культурно-интегративным и культурно-дифференцирующим мар-

кером и может быть представлена через авторскую past-типологию культуры, базирующуюся на следующих критериях:

- аксиологический статус прошлого: ретроориентированный, актуально-ориентированный, футуроориентированный и смешанный типы;
- эмоциональный вектор восприятия прошлого: позитивный, негативный, сбалансированный типы;
- доминирующие стратегии взаимодействия с прошлым: конструктивные стратегии («ритуальное воспроизведение», «выигранный агон», «прагматичное почитание», «побег от настоящего», «игровая цитата»); деструктивные стратегии («тотальное отрицание», «руинирование», «изгнание из памяти», «слепое подражание», «манипуляция»);
- динамическая модель прошлого: циклический, линейный типы;
- социально-перцептивная модель прошлого: универсально-тотальный, разрозненно-дискретный типы;
- характер интегрированности прошлого в культуру: тип традиционной преемственности, тип искусственной преемственности;
- источник эталонной модели прошлого: тип религиозного эталона, тип интеллектуального эталона, тип художественного эталона;
- доминантный признак образа прошлого.

5. Актуализацию проблематики культурной памяти как формы репрезентации образа прошлого обусловили следующие обстоятельства: кризис идентичности, кризис информации, кризис традиции, посттравматический синдром. Под культурной памятью понимается селектированное содержание образа прошлого, транслируемое в обобщенно-символических и универсально доступных формах, формирующее определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы. Культурная память транслируется через различные надиндивидуальные, универсальные (общепонятные для группы) знаковые системы (язык, символы, мифы, праздники, ритуалы и др.) и проявляется на четырех взаимосвязанных уровнях: информационном (представление о прошлом, наполнение его конкретными событиями); деятельностном (значимые или наиболее востребованные модели поведения, ориентированные на прошлое); ценностном (сакрализация, профанизация и десакрализация прошлого в целом и конкретных событий, составляющих его); эмоциональном (совокупность универсальных эмоциональных реакций на события и явления прошлого).

6. Трансляция культурной памяти связана с внешними по отношению к группе усилиями, с существованием отдельных экспертов или экспертных институций, определяющих «политику памяти». В структуру памяти включаются более крупные, мифо-символические системы, содержащие представления о прошлом группы, ее уникальности, о героических и травмирующих событиях группового бытия и пр. Целенаправленное, регулируемое «экспертное вторжение» в пространство памяти связано с важнейшими функциями, которые она может выполнять: идентификационная,

стабилизационная, объяснительная, нормативно-регулятивная, легитимирующая, компенсаторная.

7. Формой объективации культурной памяти является коммеморация. Под коммеморацией мы понимаем совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных селектированных представлений о прошлом. Структура коммеморации представлена ядром (коммеморативный повод – личность и/или событие), символом (ценностно-смысловой посыл коммеморации) и функцией. Наиболее значимыми признаками коммеморации являются ее коллективный характер, публичность и институциональность. Типы коммеморации можно классифицировать по следующим основаниям:

- по длительности существования: краткосрочные (существующие на протяжении короткого промежутка времени) и долгосрочные (практикуемые в течение длительного исторического промежутка);

- по тематике коммеморативного ядра: персонализированные, событийно-процессуальные, топографические;

- по форме: парад, шествие, присвоение имени, открытие мемориальной доски, воздвижение памятника (возможны комбинации этих форм в рамках одного коммеморативного акта);

- по хронологической локализации коммеморативного ядра (отнесение ядра к определенному модусу времени): ретроориентированные (далекое прошлое) и актуализированные (недавнее прошлое);

- по происхождению: аутентичные (связанные с национальной историей) и заимствованные (воспринятые из исторической традиции других стран);

- по масштабу распространения: глобальные (общемировые), локальные (на уровне отдельного государства), региональные, субкультурные;

- по эмоциональному послылу: позитивные, трагические, смешанные;

- по характеру действия: процессуальные (парад) и статичные (открытие мемориальной доски);

- по природе происхождения: естественные (обусловленные реальным событием или биографией) и искусственные («изобретенная традиция»);

- по характеру восприятия: консенсусные (одобряемые всеми социальными группами) и дискуссионные (связанные с недовольством отдельных социальных групп);

- по источнику происхождения: официальные (инициированные властными структурами), народные (инициированные «снизу») и смешанные.

8. Условием эффективной диагностики образа прошлого в пространстве современной культуры является использование методик и методов,

направленных на его системное осмысление на трех взаимосвязанных уровнях:

– уровне общих представлений о прошлом (изучение образа прошлого, сформированного у членов группы): методика past-реконструкции;

– уровне культурной памяти как селектированного содержания образа прошлого (определение специфики содержания культурной памяти, транслируемого в пространстве публичного государственно-политического дискурса): методика past-репрезентации;

– уровне объективированной, воплощенной в конкретном социокультурном пространстве культурной памяти (изучение коммеморативных практик): методика past-фиксации.

9. Апробация указанных методик позволила сделать следующие выводы.

Диагностика обыденных темпоральных представлений (past-реконструкции) выявила наличие двух позиций восприятия прошлого:

– «я-позиция» (восприятие прошлого сквозь призму собственной биографии), для которой характерны презентизм (ценностное доминирование настоящего) и эффект «склеивания времен» (настоящее и прошлое неразрывно связаны друг с другом и граница между ними в сознании самих респондентов четко не фиксируется);

– «мы-позиция» (восприятие прошлого с точки зрения общества, государства в целом, в контексте истории страны), в рамках которой фиксируется контрастное доминирование ретроориентированных настроений респондентов и высокий аксиологический статус прошлого.

Результаты реализации методики past-репрезентации позволяют констатировать наличие общих позиций в основных «содержательных фокусах» (Я. Ассман) культурной памяти, транслируемых в пространстве публичного государственно-политического дискурса.

В целом во всех проанализированных текстах (инаугурационных речах американских и российских президентов, выступлениях польских премьер-министров) репрезентуются универсальные для трех государств образы настоящего (полного и трудностей, и достижений), будущего (опирающегося на прошлое, позитивно окрашенного, преисполненного надежд и конкретных преобразовательных планов) и прошлого (связанного с другими модусами времени механизмами преемственности и традиции, сложного, но великого и героического, без памяти о котором невозможно гармоничное развитие общества). При этом каждый образ прошлого и наполняющее его содержание имеют и свою специфику, выраженную в идейно-ценностных установках, апеллирующих к ментальным особенностям конкретного народа, свойственным ему архетипам, наиболее почитаемым деятелям прошлого, исторической судьбе.

Past-фиксация культурной памяти в пространстве городской инфраструктуры (диагностика трех коммеморативных практик: наименование

улиц, открытие мемориальных памятников и досок) свидетельствует, во-первых, о сбалансированности реализуемой коммеморативной политики; во-вторых, о доминировании ретроориентированного типа коммеморативных практик, связанного, прежде всего, с советским периодом истории страны; в-третьих, о преобладании региональноориентированного типа коммеморативных практик, фиксирующего в культурной памяти образы выдающихся земляков.

Степень достоверности и апробация результатов работы, изложение ее основных положений осуществлено в 77 публикациях общим объемом 52,2 печатных листа (16 из них в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК МОиН РФ).

Результаты исследования прошли обсуждение на научно-практических конференциях различного уровня: Всероссийской научно-практической конференции «Единство в многообразии: диалог культур и сохранение культурной идентичности в российском социуме на рубеже XX–XXI вв.» (Ижевск, 2007 г.), Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2007, 2008, 2013, 2014 гг.), Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии «Культура-искусство-образование: интеграционные процессы в теории и практике» (Челябинск, 2009, 2011, 2012, 2013 гг.), Всероссийской научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2009 г.), Международной научно-практической конференции «Единое социокультурное пространство: теоретические и управленческо-технологические проблемы» (Челябинск, 2009 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки» (Кузнецк, 2009 г.), Всероссийской конференции с международным участием «Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов» (Челябинск, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг.), Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурное пространство и роль культурного туризма в его формировании и развитии» (Челябинск, 2010 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований» (Челябинск, 2010, 2012 гг.), Международной научно-практической конференции «Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ» (Челябинск, 2010 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок» (Санкт-Петербург, 2011, 2012 гг.), Очередном Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (Москва, 2012 г.), Научно-творческом семинаре «Современный российский театр: грани – театр вербатим» (Челябинск, 2012 г.), Международной научно-практической конференции

«Межкультурные связи в мировом художественном пространстве» (Магнитогорск, 2012 г.), Научно-практической конференции «Челябинск многонациональный. История города в истории страны» (Челябинск, 2012 г.), Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Личность в пространстве культуры» (Санкт-Петербург, 2013 г.), Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2013, 2015, 2016 гг.), Всероссийской конференции XI Славянский научный собор «Урал: православная культура» (Челябинск, 2013 г.), Международном интеллектуальном форуме «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 2013 г.), Аркаимских чтениях (Аркаим, 2014 г.), Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения «Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы» (Екатеринбург, 2015 г.), Научно-практической конференции «Архив как источник исторической памяти народа» (Челябинск, 2016 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Национальное культурное наследие России: региональный аспект» (Самара, 2018 г.); Международной научной конференции из цикла «Речь – Человек – Мир»: «Речевое воздействие в разных дискурсах» (Гданьск, Польша, 2018 г.); Международной конференции «Десятые лотмановские дни в Таллинском университете. Позднее творчество Ю. М. Лотмана. Итоги и проблемы изучения» (Таллин, Эстония, 2018 г.).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: в разработке стратегии формирования основных направлений культурной политики Челябинской области; в разработке и реализации культурно-просветительских проектов совместно с Челябинской метрополией Русской православной церкви, направленных на осмысление потенциала прошлого как основы духовной интеграции и формирования национальной идентичности; в разработке и многолетней реализации образовательно-творческого проекта для школьников «Патриоты Челябинска» (совместно с Центром культурно-информационной деятельности Администрации г. Челябинска); в разработке и чтении авторского курса для аспирантов Челябинского государственного института культуры, обучающихся по направлению подготовки 24.00.01 Теория и история культуры – «Традиции и новации в культуре».

Основные теоретико-прикладные аспекты диссертационного исследования были реализованы в программе грантов Президента Российской Федерации: «Художественный потенциал Южного Урала: региональные тенденции развития культуры» (2013–2014 гг.), «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего» (2018–2019 гг.).

Отдельные аспекты диссертационной работы были апробированы при организации и проведении прикладных социокультурных исследова-

ний: «Мониторинг социокультурного пространства Южного Урала», «Культурное наследие прошлого в оценках горожан», «Духовные ориентиры и идеалы в социологическом измерении», «Эффективность воздействия художественного потенциала на ценностные и поведенческие установки жителей Челябинской области» (по заданию и при партнерской поддержке Министерства культуры Челябинской области).

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (317 наименований) и приложений. Содержание работы изложено на 423 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе диссертации **«Феномен прошлого: теоретико-методологические основания и смысловые доминанты исследования»** осуществлена концептуализация феномена прошлого, выделены и проанализированы теоретико-методологические подходы к его осмыслению, определена специфика культурологического ракурса изучения прошлого.

В первом параграфе первой главы **«Прошлое в контексте гуманитарного знания: основания концептуальной интерпретации»** был осуществлен критический анализ концепций прошлого, представленных в гуманитарном знании:

– социологических (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, Дж. Г. Мид, Т. Адорно и др.): рассмотрение прошлого в контексте социальных взаимодействий, как феномена, порожденного социальной реальностью и одновременно влияющего на нее;

– философских (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Х.-Г. Гадамер и др.): интерпретация прошлого как абстрактной категории, самоценного феномена, рассматриваемого вне историко-культурного контекста его бытия;

– семиотических (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский): понимание прошлого как обновляемого «архива» текстов, вторгающихся в пространство настоящего и формирующих его ценностно-нормативный облик;

– исторических (П. Х. Хаттон, Ф. Ариес, А. Мегилл, Ж. Ле Гофф и др.): осмысление прошлого как объекта и результата научной реконструкции.

Проанализированные концепции прошлого демонстрируют достаточно широкий спектр авторских интерпретаций данного феномена. В некоторых из них прошлое рассматривается в контексте деятельности индивидуального сознания, в некоторых – в масштабах историко-культурного процесса. Одни исследователи констатируют абсолютную субъективность прошлого, другие признают наличие объективных оснований, связывающих его с реальностью. Однако при всем многообразии подходов и мнений

относительно сущности феномена прошлого их объединяют две важнейшие позиции:

1. Признание воссоздаваемой природы прошлого (прошлое как реконструкция реальности, предшествующей настоящему).
2. Признание непреодолимой взаимосвязи и взаимообусловленности прошлого и настоящего.

Во втором параграфе первой главы **«Образ прошлого как феномен культуры и объект культурологического осмысления»** определена специфика культурологического ракурса изучения прошлого как конструируемой в рамках той или иной культуры реальности (образ прошлого), предшествующей настоящему. Теоретико-методологическим основанием такой интерпретации прошлого является *past*-концептуальность.

Под образом прошлого понимается совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных (коллективных) представлений о прошлом, которые, с одной стороны, отражают характерные и значимые для данной культуры установки (актуалистски-детерминированный характер), а с другой – оказывают значительное влияние на их формирование (актуалистски-детерминирующий характер).

Сущностными чертами образа прошлого являются: конструируемость (воссоздаваемый и/или создаваемый вновь, искусственный характер), социокультурная детерминируемость (обусловленность параметрами актуальной культуры), опосредованность (отсутствие прямых референций в реальности, их присутствие в форме «следов»), устойчивость (сохранение смысло-ценностных доминант в течение достаточно длительного времени), субъективность (игнорирование рационального, научного осмысления прошлого как обязательного условия конструирования его образа), ценностная окрашенность (оценочное восприятие прошлого), темпоральный дуализм (принадлежность к сфере прошлого по своему темпоральному статусу и к сфере настоящего по своему ценностно-нормативному наполнению).

Формирование образа прошлого возможно лишь при осознании прошлого как автономной темпоральной реальности. Проблема определения сущностной границы между прошлым и настоящим решалась в различных направлениях: в области психологии восприятия времени, в темпоральной структуре языка, в методологической специфике изучения различных модусов времени. Ряд исследователей отказывались от поиска такого рода границы, указывая на существование буферной зоны между двумя модусами времени – посредника, в роли которого может выступать ретенциальное сознание (Э. Гуссерль), «прошлое-настоящее» (Дж. Г. Мид), «прошлое настоящего» (Р. Козеллек), прагматичное прошлое (М. Оукшот) и др.

По нашему мнению, прошлое становится самостоятельной областью темпоральной реальности при соблюдении следующих условий: дистант-

ность (восприятие прошлого как Другого по отношению к актуальности); необратимость (восприятие прошлого как невозвращаемого, ушедшего навсегда). Формирование же образа прошлого невозможно без соблюдения еще одного важного условия – востребованности прошлого, то есть признание наличия его действенно-преобразовательного потенциала в решении значимых в контексте настоящего проблем.

Основной задачей второй главы диссертации **«Темпоральная модель интерпретации реальности: анализ культурно-исторической динамики образов прошлого»** было выявление специфических для различных этапов развития культуры типов образа прошлого и разработка на этой основе авторской past-типологии культуры.

В первом параграфе второй главы **«Эволюция представлений о прошлом: от первобытной культуры до эпохи итальянского Возрождения»** представлены историко-культурные образы прошлого, сложившиеся в архаичной, античной, средневековой и ренессансной культурах:

1. Тип «фантомного прошлого» (первобытная культура):

– фантомность (дихотомичность бытия и небытия прошлого: бытие осуществлялось в точках возвращения к истокам, к вечности, к архетипическому правремени, в стремлении к его обновлению; небытие – в сфере несформированности представлений о времени как структурированной и изменчивой длительности и о прошлом как последовательности необратимых событий);

– аксиологизация прошлого и дезаксиологизация настоящего;

– доминирование циклического варианта динамической модели времени, задаваемой природными циклами и визуализируемой в ритуалах «вечного возвращения»; зарождение латентных представлений о линейности времени (ритуалы обнуления времен, завершения прошлого);

– презентизм (соприсутствие прошлого как вечности в настоящем);

– пространственность (закрепление прошлого не на хронологической, а на пространственной оси координат в архаической модели мира).

2. Тип «фрактального прошлого» (античная культура):

– фрактальность (репрезентация в античном образе прошлого взаимосвязанных и взаимообуславливающих источников представлений о прошлом – народно-мифологического и научно-интеллектуального, которые, отличаясь формально, содержательно во многом совпадали);

– аксиологизация прошлого и дезаксиологизация настоящего;

– сосуществование циклической и линейной динамических моделей времени, сохранение идей «вечного возвращения» прошлого;

– синтез презентизма и «протоисторического сознания» (М. Барг), то есть зарождающихся представлений о дифференцированности, структурированности времени и автономном, специфичном статусе прошлого;

– пространственная организация прошлого.

3. Тип «полифонического прошлого» (культура Средних веков):

– полифоничность (наполненность средневекового образа прошлого различными, социально детерминированными, порой противоречивыми темпоральными «мелодиями», мировоззренческим «многоголосием», образующими тем не менее целостное символично-семантическое пространство);

– синкретизм ретроориентированности культуры (античная традиция сакрализации прошлого, усиленная представлением о прошлом как времени сотворения мира и рождения Христа) и ориентированности ее в будущее (Второе пришествие Спасителя);

– отсутствие интереса ко времени как четко определенной, структурированной длительности в народной средневековой культуре на фоне возрастающего интереса к проблеме определения структуры времени в христианской теологической мысли;

– сосуществование циклических, линейных и комбинированных концепций времени;

– презентизм, воплощенный в средневековом анахронизме (практика интерпретации прошлого в категориях современности);

– сосуществование сакрального (анонсированного церковью, основанного на библейском тексте, отрицавшего идею спонтанного развития, но признававшего идею развертывания изначального плана) и профанного (связанного с расположением на оси времени событий земной жизни, с родовой историей) образов прошлого.

4. Тип «реинкарнированного прошлого» (культура итальянского Возрождения):

– реинкарнированность прошлого (повторное воплощение прошлого в ренессансном настоящем в новой «телесной оболочке» – модернизированной, актуализированной, приспособленной к современности);

– сосуществование средневековой темпоральной картины мира в ремесленно-крестьянской социальной среде с новым, сформированным гуманистическим мировоззрением образом прошлого;

– преодоление ретроориентированности культуры, формирование актуалистских настроений, понимание настоящего как главного модуса времени, как наступившего «золотого века», а прошлого – с одной стороны, как источника ценностей и норм, проверенных временем, с другой – как фундамента непревзойденного величия современности;

– формирование исторического отношения к прошлому, обособление прошлого от настоящего, понимание необратимости минувших событий, их дистанцированности от современности, преодоление архаичного презентизма;

– преобладание циклической модели времени, основанной на идеях повторного воплощения прошлого; понимание истории как процесса чередования циклов развития и упадка культуры.

Во втором параграфе второй главы «Трансформация образа прошлого в культуре Нового и Новейшего времени» рассматриваются образы прошлого, сложившиеся в европейской культуре XVII-начала XXI веков.

1. Тип «контрапунктного прошлого» (культура Нового времени):

– контрапунктность прошлого (столкновение, конфликтность, противостояние двух противоположных мировоззренческих позиций и соответствующих им образов прошлого, один из которых был наполнен пиететом к нему, ностальгией по романтизируемому Средневековью, а другой – позиционировал его как тяжкий груз на теле культуры, препятствие прогрессу и развитию);

– окончательное складывание исторического понимания прошлого (в логике становления во времени, в динамике изменений): дискредитация идеи прошлого как басни и начало процесса формирования истории как науки;

– сосуществование ретроориентированных (сфера искусства), актуалистских и футуристских (наука) элементов в темпоральной картине мира, последовательное усиление которых находилось в прямой пропорциональной зависимости от интенсификации научно-технического прогресса.

2. Тип «рандомного прошлого» (культура Новейшего времени):

– рандомность прошлого (парадоксальное сосуществование, попеременная актуализация различных концепций прошлого и форм его бытования в пространстве современной культуры: культ настоящего и увлеченность прошлым, стремительное ускорение и ностальгические настроения и пр.);

– «смерть прошлого»: обособление прошлого как автономной по отношению к настоящему темпоральной реальности, превращение прошлого в «чужую страну» (Д. Лоуэнталь), или в историю (П. Нора), преодоление «живого» соучастия прошлого в актуальности, деформация традиционных форм трансляции социального опыта;

– темпоральный разрыв (нарушение функционирования естественных и поддерживаемых традицией механизмов обеспечения преемственности между поколениями, эпохами, цивилизациями, механизмов, сливающих бытие в единую темпоральную длительность);

– радикальный презентизм (явное доминирование актуальности над прошлым, сопряженное с «историческим эгоизмом» (Ф. Артог) и перманентностью – вытеснением прошлого из темпоральной картины мира настоящим, превращение последнего в квазинеподвижный, тотальный, всеобъемлющий и единственно значимый модус времени);

– темпоральное ускорение (понимание скорости модернизации и изменений как критерия прогресса; ускорение «прирастания» настоящего, обновления всех протекающих в нем процессов и ускорение «отмирания» прошлого);

– виртуализация прошлого (формирование виртуального образа прошлого, существующего в пространстве Интернета и отличающегося доступностью, сверхбыстрой конструируемостью, ризоматичностью, неверифицируемостью, низким ценностным статусом);

– травмирование прошлого (осмысление прошлого сквозь призму категории травмы как социального опыта нуждающегося в нравственном осмыслении и «проработке»);

– «ретро-мания» (стремление к катологизации, архивированию, сохранению следов прошлого, расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функций памяти, демократизация исторического знания, стремление к «реанимации» прошлого в пространстве массовой культуры).

Анализ исторической динамики представлений о прошлом и выделение образов прошлого, соответствующих различным этапам историко-культурного процесса, позволили разработать авторскую *past*-типологию культуры, представленную в третьем параграфе второй главы **«Хроно- и *past*-типологии культуры»**.

Историко-культурная специфика восприятия прошлого выступает важным культурно-интегративным и культурно-дифференцирующим маркером и может быть представлена через авторскую *past*-типологию культуры, базирующуюся на следующих критериях:

– аксиологический статус прошлого (общий ценностный вектор восприятия прошлого – его аксиологизация либо деаксиологизация и, соответственно, аксиологизация иных модусов времени): ретроориентированный, актуально-ориентированный, футуроориентированный и смешанный типы;

– эмоциональный вектор восприятия прошлого (общий оценочный вектор отношения к прошлому): позитивный, негативный, сбалансированный типы;

– доминирующие стратегии взаимодействия с прошлым: конструктивные стратегии («ритуальное воспроизведение», «выигранный агон», «прагматичное почитание», «побег от настоящего», «игровая цитата»); деструктивные стратегии («тотальное отрицание», «руинирование», «изгнание из памяти», «слепое подражание», «манипуляция»);

– динамическая модель прошлого: циклический, линейный типы;

– социально-перцептивная модель прошлого (специфика разделяемости образа/образов прошлого): универсально-тотальный, разрозненно-дискретный типы;

– специфика интегрированности прошлого в культуру (специфика и глубина взаимосвязи прошлого и настоящего): тип традиционной преемственности, тип искусственной преемственности;

– источник эталонной модели прошлого (институция, социальная или политическая сила, являющаяся источником формирования и трансля-

ции «официального», доминантного образа или нескольких образов прошлого): тип религиозного эталона, тип интеллектуального эталона, тип художественного эталона;

– доминантный признак образа прошлого (наиболее специфическая черта, присущая образу прошлого в рамках той или иной культуры, наиболее репрезентативная тенденция, характеризующая его восприятие): фантомный тип, фрактальный тип, полифоничный тип, реинкарнированный тип, контрапунктный тип, рандомный тип.

Past-типология дает обширные познавательные возможности, позволяет упорядочить, структурировать историко-культурное многообразие, локализовав его в обобщенные культурные формы, увидеть закономерности социокультурного развития, его типичные и уникальные проявления. Образ прошлого, выступающий критериальным основанием данной типологии, является призмой, сквозь которую преломляется весь историко-культурный процесс в целом и развитие отдельных культур в частности. На основании анализа образа прошлого, сложившегося в той или иной культуре, можно не только нарисовать ее темпоральный «портрет», но и составить комплексное, системное представление о ее специфике: идеологических основаниях, формах и характере социального взаимодействия, ценностных установках, нравственных ориентирах, нормированных и табуированных моделях поведения, векторах целеполагания и перспективных ориентирах, механизмах преемственности и др.

Третья глава диссертации **«Культурная память как селективное содержание образа прошлого»** посвящена комплексному анализу феноменов культурной памяти и коммеморации, рассматриваемых как формы объективации образа прошлого в пространстве культуры.

В первом параграфе третьей главы **«Надындивидуальная память: теоретические подходы к осмыслению и содержательно-морфологическая модель»** осмысляются факторы, обусловившие высокую востребованность проблематики надындивидуальной памяти в современной гуманитаристике: кризис идентичности, кризис информации, кризис традиции, посттравматический синдром. Под надындивидуальной памятью понимается совокупность форм коллективной памяти, в концепциях разных исследователей получивших различные наименования: социальная, групповая, историческая, культурно-историческая и пр.

Все многообразие теоретико-методологических подходов были систематизированы по нескольким основаниям:

1. Соотношение индивидуальной и надындивидуальной форм памяти:

– надындивидуальная память как самостоятельный вид памяти, не сводимый к совокупности индивидуальных воспоминаний (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, Я. Ассман, Ю. М. Лотман);

– надындивидуальная память как производная от индивидуальной памяти, как сумма индивидуальных воспоминаний и специфическая форма репрезентации последних (Т. Лукман, П. Бергер, П. Рикер, А. Шюц, А. Мегилл).

2. Сущностные характеристики надындивидуальной памяти:

– память как архив (содержательный подход): в рамках данной позиции авторы указывают главным образом на свойство памяти хранить социально востребованную информацию в формате социального опыта (А. Шюц), изобразительных символов (А. Варбург), событийных следов (П. Рикер), массовых знаний о прошлой социальной реальности (И. М. Савельева, А. В. Полетаев) и др.;

– память как деятельность (деятельностный подход): такое понимание памяти находит отражение в работах большего числа исследователей, которые либо непосредственным образом определяют ее как процесс трансляции, реконструкции, актуализации общего для группы прошлого (Э. Дюркгейм, П. Гири), либо рассматривают в контексте социального взаимодействия (М. Хальбвакс, П. Бергер, Т. Лукман, А. Ассман, А. Мегилл);

– память как архив и как деятельность (интегративный подход): в рамках данного подхода память понимается как единство контента («константных кодов») и деятельности по его межпоколенной трансляции («интерпретационные коды») (Ю. М. Лотман, Я. Ассман, П. Нора, П. Хаттон).

На основе анализа разнообразия указанных выше авторских концепций во втором параграфе третьей главы **«Культурная память: сущность, структура, функции»** была осуществлена концептуализация феномена культурной памяти, выделены ее сущностные характеристики, функции и формы репрезентации в культуре.

Придерживаясь позиции производного характера надындивидуальной памяти от памяти индивидуальной, мы определили природу их взаимосвязи. Память человека имеет как исключительно физиологически обусловленные, так и социально детерминированные структуры (именно они интересуют исследователей памяти как феномена культуры) – так называемую социальную (декларативную) память. Она, в свою очередь, делится на эпизодическую и семантическую память. Именно семантическая память связывает отдельного человека с коллективом и социумом в целом, именно через нее происходит трансляция значимых для группы смыслов и моделей поведения и именно она, в конечном итоге, обеспечивает идентификацию личности с группой. Система семантических памятей членов группы образует то, что многими исследователями называется коллективной памятью.

При этом коллективная память также имеет дробный характер, распавшись на два типа. Первый из них – живая память поколений, которую вслед за Я. Ассманом можно назвать коммуникативной памятью или социальной, вслед за П. Нора. Такой тип памяти связан с механизмами традиционной

межпоколенной коммуникации, осуществляемой, как правило, в рамках малых социальных групп. Функционирование памяти, процессы ее наполнения в данном случае имеют спонтанно-нерефлексивный характер и связаны с ритуализованным воспроизведением социального опыта (навыков трудовой деятельности, взаимоотношения с природой, трансцендентными силами и пр.).

Второй тип коллективной памяти представляет собой то, что мы предлагаем называть культурной памятью, под которой понимается селектированное содержание образа прошлого, транслируемое в обобщенно-символических и универсально доступных формах, формирующее определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы.

Культурная память транслируется через различные надындивидуальные, универсальные (общепонятные для группы) знаковые системы (язык, символы, мифы, праздники, ритуалы и др.) и проявляется на четырех взаимосвязанных уровнях: информационном (представления о прошлом, наполнение его конкретными событиями); деятельностном (значимые или наиболее востребованные модели поведения, ориентированные на прошлое); ценностном (сакрализация, профанизация или десакрализация прошлого в целом и конкретных событий, составляющих его); эмоциональном (совокупность универсальных эмоциональных реакций на события и явления прошлого, экстраполируемых и на иные модусы времени).

Содержательное наполнение и трансляция культурной памяти связаны с внешними по отношению к группе усилиями, с существованием отдельных экспертов или экспертных институций, определяющих «политику памяти» и с целенаправленной реализацией важнейших функций культурной памяти: идентификационной, стабилизационной, объяснительной, нормативно-регулятивной, легитимизирующей, компенсаторной.

Одной из форм объективации культурной памяти, перекодирования ее мифо-символического содержания на конкретно-предметный «язык» группы является феномен коммеморации, рассмотренный в третьем параграфе третьей главы **«Коммеморация как форма объективации культурной памяти: специфические черты и функционально-типологические основания»**.

Под коммеморацией понимается совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных селектированных представлений о прошлом. Наиболее значимыми признаками коммеморации являются ее коллективный характер, публичность и институциональность.

Структурно-функциональную модель коммеморации можно представить следующим образом. В основе коммеморации лежит коммеморативное ядро – повод для акта поминовения. В качестве ядра может выступать от-

дельная личность, событие, совокупность событий, место и т. п. В процессе коммеморации это ядро превращается в коммеморативный символ, формируемый вокруг коммеморативного ядра. Символ, который также можно назвать архетипом или мифологемой, позволяет выйти за рамки конкретного события или биографии в «пространство нарратива» (Ш. Линд); именно с его помощью формируются требуемые ценности и социальные модели поведения. Замыкает структурное оформление коммеморации коммеморативная функция (интегративная, социализирующая, информационно-накопительная и др.)

Многообразие типов коммеморации можно классифицировать по следующим основаниям:

- по длительности существования: краткосрочные и долгосрочные;
- по тематике коммеморативного ядра: персонализированные, событийно-процессуальные, топографические;
- по форме: парад, шествие, присвоение имени, открытие мемориальной доски, воздвижение памятника (возможны комбинации этих форм в рамках одного коммеморативного акта);
- по хронологической локализации коммеморативного ядра (отнесение ядра к определенному модусу времени): ретроориентированные (далекое прошлое) и актуализированные (недавнее прошлое);
- по происхождению: аутентичные (связанные с национальной историей) и заимствованные (воспринятые из исторической традиции других стран);
- по масштабу распространения: глобальные (общемировые), локальные (на уровне отдельного государства), региональные, субкультурные;
- по эмоциональному послылу: позитивные, драматичные и смешанные;
- по характеру действия: процессуальные (парад) и статичные (открытие мемориальной доски);
- по природе происхождения: естественные (обусловленные реальным событием или биографией) и искусственные («изобретенная традиция»);
- по характеру восприятия: консенсусные (одобряемые всеми социальными группами) и дискуссионные (связанные с недовольством отдельных социальных групп);
- по источнику происхождения: официальные (инициированные властными структурами), народные (инициированные «снизу») и смешанные.

В четвертой главе диссертации **«Образ прошлого в современном социокультурном пространстве: возможности и инструменты темпоральной диагностики»** представлены авторские методики анализа образа прошлого, сложившегося в современной культуре: восприятия на уровне обыденного сознания (past-реконструкция), презентации на уровне пуб-

личного политического дискурса (past-репрезентация), репрезентации в пространстве коммеморативных практик (past-фиксация).

В рамках первого параграфа четвертой главы **«Образ прошлого в представлениях современных россиян: past-реконструкция обыденного сознания»** было реализовано одно из направлений темпоральной диагностики современной культуры – past-реконструкция обыденного сознания (метод массового пороса, квотная выборка – 550 человек). Past-реконструкция была направлена на выявление и интерпретацию специфики восприятия прошлого на двух уровнях – персональном («мое-прошлое», локальный образ прошлого) и групповом («наше-прошлое», социокультурный образ прошлого).

В целом следует говорить о балансе актуалистских и ретрориентированных мировоззренческих позиций респондентов: и прошлое, и настоящее практически в равной степени воспринимаются ими как аксиологически значимые. Однако рассматривая полученные результаты сквозь призму персональной оценки образа прошлого, можно фиксировать доминирование презентистских настроений. В данном случае вообще достаточно трудно говорить о восприятии прошлого как самостоятельного модуса времени, поскольку настоящее и прошлое в сознании респондентов и в контексте их личных переживаний не имеют четко фиксированного разрыва – они существуют в режиме взаимообусловленности и взаимозависимости. Образ такого «прошло-настоящего» конституируется в основном из семейно-бытовых, лично ориентированных, конкретных и позитивно окрашенных событий.

В ситуации с «мы-позицией», при которой прошлое оценивалось респондентами с точки зрения общества в целом, фиксируется доминирование ретроориентированных настроений респондентов и высокий аксиологический статус прошлого. В данном случае прошлое воспринимается как дистанцированная от настоящего, однако тесно связанная с ним различными формами преемственности, темпоральная среда. Образ прошлого формируется событиями, локализованными в советском периоде российской истории, и идентифицируется через выдающихся личностей, чьей исторической миссией были служение государству и защита его интересов (политические лидеры и полководцы).

Во втором параграфе четвертой главы **«Репрезентация культурной памяти в публичном государственно-политическом дискурсе»** представлены результаты реализации методики past-репрезентации, позволяющей зафиксировать «содержательные фокусы» (Я. Ассман) культурной памяти, транслируемые в пространстве публичного государственно-политического дискурса (метод нарративного анализа инаугурационных речей президентов США, России и текстов выступлений премьер-министров Польши перед Сеймом – всего 14 стенограмм).

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в контенте инаугурационных речей американских, российских и польских политических лидеров доминируют общекультурные, универсальные идеи, отражающие содержание культурной памяти:

- преемственность прошлого, настоящего и будущего, отсутствие разрыва между тремя модусами времени;
- позиционирование прошлого как противоречивого и неоднозначного;
- восприятие собственной истории как древней, героической и уникальной;
- понимание прошлого как основы созидательно-преобразовательной деятельности в настоящем и будущем;
- стремление к визуализации и мемориализации прошлого.

Важным представляется то, что эти общие позиции носят мировоззренческий, ценностный характер, апеллируют к ментальным особенностям народа, свойственным ему архетипам, а потому открывают перспективы осмысления прошлого как мощного интегративного ресурса, обеспечивающего среду для межкультурного диалога, для поиска объединяющих идей и мотивации сотрудничества. Это особенно востребованно в условиях современной социокультурной ситуации, в которой прошлое, а точнее репрезентация образа прошлого в рамках «политики памяти», уже давно стали яблоком раздора во взаимоотношении различных стран и народов.

Третий параграф четвертой главы **«Воплощенная память»: образ прошлого в пространстве коммеморативных практик»** посвящен анализу коммеморативных практик (наименование улиц, открытие мемориальных досок, воздвижение мемориальных памятников) в рамках реализации методики *past*-фиксации, которая позволяет, во-первых, выявить специфику реализации «политики памяти», ее смысловые векторы, целевые установки, механизмы воплощения, а, во-вторых – определить желаемый образ прошлого, формируемый в коммеморативном пространстве, а также сопряженные с ним ценности и модели поведения.

На основе *past*-фиксации можно сделать вывод о том, что коммеморативные практики носят характер:

- исторически детерминированный (отражают реальное содержание историко-культурного процесса);
- позитивно ориентированный (в большей степени ориентированы на популяризацию образа созидательной деятельности и пассионарной личности, хотя мотив героической смерти, связанный с погибшими при исполнении обязанностей сотрудниками МВД и военными, погибшими в горячих точках, также широко представлен);
- ретроориентированный, связанный, прежде всего, с советским периодом истории;

– регионально-ориентированный (важным для сохранения в содержании культурной памяти представляются события, места и личности, связанные с Челябинском и Челябинской областью);

– сбалансированный (равномерная коммеморативная представленность различных сфер жизни общества – гуманитарной, технической и оборонной).

Можно также говорить о том, что реализуемая политика памяти стратегически ориентирована на формирование двух наиболее значимых универсальных коммеморативных символа – символа «Наследия» и символа «Героя». Первый из них связан с идеей общих для социальной группы корней, происхождения, истории, культуры, служащих по отношению к ней неким цементирующим началом, центростремительной силой. Вторым символом в целом связан с идеей героической личности, служащей на благо Родины. Служение может проявляться как в мирной, преобразовательной деятельности (символ «Героическое служение»), так и в приношении на алтарь ее интересов собственной жизни (символ «Героическая смерть»).

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы и перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации представлены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Шуб, М. Л. Интерпретация времени как культурологическая проблема (на примере культуры первобытного общества) / М. Л. Шуб // Вопросы культурологии. – 2009. – №2. – С. 16–20.

2. Шуб, М. Л. Специфика изучения времени (на материалах средневекового искусства) / М. Л. Шуб // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 13. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 29 (167). – С. 124–128.

3. Шуб, М. Л. Время как предмет гуманитарных исследований / М. Л. Шуб // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 2 (26). – С. 72–75.

4. Шуб, М. Л. Прошлое в масштабах микроистории. Основные подходы к изучению / М. Л. Шуб, А. А. Лазарова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №1. – С. 14–18.

5. Шуб, М. Л. Основные темпоральные характеристики художественных предпочтений / М. Л. Шуб // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – №5. – С. 218–223.

6. Шуб, М. Л. Актуализация культурно-исторического прошлого: конвергенция макро- и микроподходов / М. Л. Шуб // Вопросы культурологии. – 2012. – № 12. – С. 33–38.

7. Шуб, М. Л. Актуализация феномена прошлого в контексте современной социокультурной ситуации / М. Л. Шуб // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 61–68.

8. Шуб, М. Л. Актуализация феномена прошлого в контексте современной социокультурной ситуации / М. Л. Шуб // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 61–68.

9. Зубанова, Л. Б. Визуальные практики в медиальном контексте / Л. Б. Зубанова, М. Л. Шуб // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21. – Выпуск. 80. – С. 222–226.

10. Шуб, М. Л. Классика в пространстве современной культуры: формы восприятия и актуализации / М. Л. Шуб // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 373–380.

11. Шуб, М. Л. Сила времени: к проблеме хронотипологий культуры / М. Л. Шуб // Аспирантский Вестник Поволжья. – 2013. – № 3–4. – С. 68–75.

12. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти / М. Л. Шуб // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4 (48). – С. 71–76.

13. Шуб, М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий / М. Л. Шуб // Обсерватория культуры. – 2017. – № 1. – С. 4–11.

14. Шуб, М. Л. Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого / М. Л. Шуб // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 61–67.

15. Шуб, М. Л. Культурное наследие в свете современных гуманитарных подходов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 41. – С. 33–41.

16. Шуб, М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц г. Челябинска) / М. Л. Шуб // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 161–169.

Монографии:

1. Шуб, М. Л. На гребне промежутка (специфика современного художественного пространства): монография / М. Л. Шуб; Челяб. гос. академ. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – 160 с.

2. Шуб, М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования: моногр. / М. Л. Шуб; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2018. – 303 с.

Главы в коллективных монографиях:

1. Шуб, М. Л. Социокультурный потенциал Южного Урала: вызовы времени и ориентиры культурной политики / А. В. Бетехтин, Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 227 с.

2. Зубанова, Л. Б. Художественная культура в социологическом измерении: наследие прошлого и актуальные практики современности / Л. Б. Зубанова, М. Л. Шуб, А. Ю. Павлова. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. – 184 с.

**Тезисы докладов на научных конференциях,
статьи в научных журналах и сборниках научных трудов**

1. Шуб, М. Л. Толерантность современной культуры: отношение к прошлому / М. Л. Шуб // Единство в многообразии: диалог культур и сохранение культурной идентичности в российском социуме на рубеже XX–XXI вв.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 23-25 октября 2007 г.). В 2-х ч. Ч. II. – Ижевск, 2007. – С. 105–110.

2. Шуб, М. Л., Зоря, А. А. Футуризм как стратегия культурного развития / М. Л. Шуб, А. А. Зоря // Молодежь в науке и культуре XXI века / Материалы VI Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей. 1–2 ноября 2007 г. Ч. II / ЧГАКИ. – Челябинск, 2007. – С. 202–205.

3. Шуб, М. Л. Прошлое и настоящее: союз или конфликт / М. Л. Шуб // Молодежь в науке и культуре XXI века / Материалы VI Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей. 1–2 ноября 2007 г. Ч. II / ЧГАКИ. – Челябинск, 2007. – С. 360–364.

4. Шуб, М. Л. Метафоричность художественного пространства как форма реализации интертекстуального содержания современной культуры / М. Л. Шуб // Научная жизнь. – 2007. – № 4. – С. 64–68.

5. Шуб, М. Л. Постмодернистская цитата как механизм темпоральной коммуникации / М. Л. Шуб // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». Сер. Экология. Культура. Культурология. Педагогика. Народное образование. – 2007. – № 2 (5). – С. 56–58.

6. Шуб, М. Л. Интертекстуальность как средство межвременного диалога / М. Л. Шуб // Молодежь в науке и культуре XXI века / Материалы Международного научно-творческого форума. 6–7 ноября 2008 г. / ЧГАКИ. – Челябинск, 2008. – С. 375–377.

7. Шуб, М. Л. Прошлое сквозь призму философских идей второй половины XX века // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвузовский сборник научных трудов (международный выпуск). Выпуск 11 / Под общей ред. С. Н. Волкова. – Пенза: Изд-во ПГТА, 2008. – С. 84–88.

8. Шуб, М. Л. Теории консерватизма современного искусства / М. Л. Шуб // Культура-искусство-образование: интеграционные процессы в теории и практике. Материалы XXX научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава академии / ЧГАКИ. – Челябинск, 2009. – С. 187–191.

9. Шуб, М. Л. Проблема пространственно-хронологического взаимодействия текстов культуры в концепции постмодернизма / М. Л. Шуб // Социокультурная реальность: спектр аналитических подходов / Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ; «Гротеск», 2008. – С. 274–285.

10. Шуб, М. Л. Время как категории социокультурного пространства / М. Л. Шуб // Единое социокультурное пространство: теоретические и управленческо-технологические проблемы. Материалы международной научно-практической конференции / ЧГАКИ. – Челябинск, 2009. – С. 37–42.

11. Шуб, М. Л. Феномен времени в контексте современного ценностного пространства / М. Л. Шуб // Система ценностей современного общества. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях (Часть 2). – Новосибирск: ЦРНС-издательство СИБПРИНТ, 2009. – С. 64–69.

12. Шуб, М. Л. Осмысление времени в консервативистских теориях современного искусства / М. Л. Шуб // Материалы конференции по итогам научно-исследовательских работ профессоров, преподавателей и научных сотрудников за 2007 год. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 181–190.

13. Шуб, М. Л. Интерпретация времени в трудах античных философов / М. Л. Шуб // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки». – Кузнецк: Изд-во Кузнецкого ин-та информационных и управленческих технологий, 2009. – С. 206–209.

14. Zubanova, L. V., Shub, M. L. Sociological approach to interpretation of time / L. V. Zubanova, M. L. Shub // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V. A. Mansurov. – Moscow: Maska, 2009. – P. 205–207.

15. Шуб, М. Л. Интерпретация образа времени как форма художественной самопрезентации (на примере творчества художников г. Челябинска) / М. Л. Шуб // Социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. – Челябинск: НОУ ЧИЭП им. М. В. Ладوشина, 2009. – С. 256–260.

16. Шуб, М. Л. Время в контексте культурологического подхода. Проблема терминологии / М. Л. Шуб // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. – Москва: Экон-Информ, 2009. – С. 282–290.

17. Шуб, М. Л. Психологическое восприятие времени: историко-культурологический анализ / М. Л. Шуб // В мире научных открытий. – 2009. – № 6. – С. 89–93.

18. Шуб, М. Л. Ремейк в контексте эпистемологии прошлого / М. Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2010. – № 2 (11). – С. 80–86.

19. Шуб, М. Л. Феномен «совместного времени» как интегрирующее начало социокультурного пространства (на примере архаических обществ)

/ М. Л. Шуб // Социокультурное пространство и роль культурного туризма в его формировании и развитии: материалы III всероссийской науч.-практ. конф. / сост. В. С. Толстикова; Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2010. – С. 53–60.

20. Шуб, М. Л. Феномен архаического правремени / М. Л. Шуб // Культура и искусство глазами молодых ученых: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Я. Рушанина; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2010. – С. 16–19.

21. Шуб, М. Л. Трансформация идеи прошлого в неореальности Интернета / М. Л. Шуб // Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.). – Челябинск: ЧГАКИ, 2010. – С. 123–129.

22. Шуб, М. Л. Преодоление времени (к вопросу о художественных формах преемственности в масштабах региона) / М. Л. Шуб // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл.; Обществ. палата Челяб. обл.; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина»; [редкол.: Л. Б. Зубанова, Г. И. Ладощина, С. Б. Синецкий, Н. В. Игнатьева]. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2010. – С. 236–239.

23. Шуб, М. Л. Ретроспективизм и футуристичность искусства модернизма / М. Л. Шуб // Культура-искусство-образование: сохранение традиций и новаторство: материалы XXXII науч.-практ. конф. проф.-преподават. Составы акад.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2011. – Ч. 1. – С. 125–128.

24. Шуб, М. Л. Прошлое глазами современных художников / М. Л. Шуб // Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Материалы международной научно-практической конференции. В 2 ч. / Отв. ред. С. Г. Зырянов. – Челябинск: Челябинский институт (филиал) Уральской академии государственной службы, 2010. Ч. II. – С. 330–335.

25. Шуб, М. Л. Актуальное прошлое? (К вопросу о статусе современного провинциального музея) / М. Л. Шуб // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл.; Обществ. палата Челяб. обл.; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина»; редкол.: В. Л. Виницкий, Г. И. Ладощина, С. Б. Синецкий, В. Р. Салыев. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2011. – С. 162–164.

26. Шуб, М. Л. Ностальгия как феномен современной художественной культуры / М. Л. Шуб // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 4 февраля 2011 года. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – С. 215–223.

27.Шуб, М. Л. Художественная цитация: общие замечания / М.Л.Шуб // Культура-искусство-образование: взаимозависимость результатов науки и практики: материалы XXXIII науч.-практ. конф. проф.-преподавт. состава акад.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусства. – Челябинск: ЧГАКИ, 2012. – Ч. 1. – С. 322–324.

28. Шуб, М. Л. Феномен прошлого сквозь призму искусства Западной Европы первой половины XX века / М. Л. Шуб // Научная школа Владимира Цукермана: диалоги о культуре и обществе / ред.-сост. И.Д. Тузовский; кафедра культурологии и социологии ЧГАКИ. – Челябинск: ЧГАКИ, 2012. – С. 49–51.

29.Шуб, М. Л. Феномен художественного времени в контексте современной гуманитаристики / М. Л. Шуб // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок 6 материалы V Всероссийской научно-практической конференции, 3 февраля 2012 г. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2012. – С. 65–67.

30.Шуб, М. Л. Актуализация исторической памяти: к вопросу о востребованности услуг современного музея в российских провинциальных городах / М. Л. Шуб // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – Москва: РОС, 2012. – С. 6425–6431.

31.Шуб, М. Л. Основные формы коммуникации прошлого и настоящего в пространстве современной культуры / М. Л. Шуб // Информационно-коммуникативные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и проблемы использования в вузах культуры и искусств: тез. докл. II Всеросс.науч. конф. (Челябинск, 23 окт. 2012 г.). – Челябинск, Изд-во ЧГАКИ, 2012. – С. 50–55.

32.Шуб, М. Л. Прошлое и настоящее в контексте документального искусства / М. Л. Шуб // Современный российский театр: грани – театр вербатим: сборник материалов научно-творческого семинара (Челябинск, 2–3 марта, 2012 г.) / Отв. ред. Е. А. Селютина. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – С. 95–101.

33.Шуб, М. Л. Рейтинг самых значимых деятелей культуры и искусств прошлого (результаты социологического исследования) / М. Л. Шуб // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2012. – С. 243–247.

34.Шуб, М. Л. Сюжетные архетипы прошлого (на материалах регионального искусства) / М. Л. Шуб // Межкультурные связи в мировом художественном пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. 21–25 ноября 2011 года / сост. И. Л. Пивоварова. – Магнитогорск: Магнитог. гос. консерватория, 2012. – С. 140–146.

35.Шуб, М. Л. Специфика использования художественного наследия прошлого в PR-деятельности и рекламе / М. Л. Шуб // Человек в мире культуры. – 2012. – № 3. – С. 60–65.

36.Шуб, М. Л. Проблема сущностного разграничения феноменов прошлого и настоящего // М. Л. Шуб // Культура – искусство – образование: векторы преобразования: материалы XXXIVМ науч.-практ. конф. профес.-преподават. состава академии. / сост. А. В. Штолер; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, ЧГАКИ, 2013. – С. 78–81.

37.Шуб, М. Л. Прошлое в настоящем. К вопросу о формах диалога с художественной традицией в современном изобразительном искусстве г. Челябинска / М. Л. Шуб // Челябинск многонациональный. История города в истории страны: сб. материалов науч.-практ. конф. – Челябинск, ЧГАКИ, 2012. – С. 95–100.

38.Шуб, М. Л. Время в пространстве современного гуманитарного знания: основные подходы к интерпретации / М. Л. Шуб // Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.; ФГБОУ ВПО Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2013. – С. 96–101.

39.Шуб, М.Л. Художественное прошлое: общие замечания / М.Л. Шуб // Молодежь в науке и культуре XXI в.: материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 1–2 ноября 2013 г. / Челяб. гос. акад. Культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2013. – С. 127–131.

40.Шуб, М. Л. Хронотипологии культуры: классические подходы и новые тенденции [Электронный ресурс] / М.Л. Шуб // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры». Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2013. – Режим доступа: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1291. – Дата обращения: 12.12.2013.

41. Шуб, М. Л. Художественное наследие в структуре современных репертуарных предпочтений // Материалы XVI Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Кораблева Г. Б., Комлева Н. А., Меренков А. В., Рыбцова А. А., Старшинова А. В. – Екатеринбург, УрФУ, 2013. – С. 390–396.

42. Шуб, М. Л. Классическое искусство в зеркале общественного мнения / М. Л. Шуб // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл.; Обществ. палата Челяб. обл.; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина»; ред-кол.: Л. В. Веницкий, Е. А. Захарова, С. Б. Синецкий, Г. И. Ладощина. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2013. – С. 160–164.

43.Шуб, М. Л. «Герои» прошлого и настоящего и их роль в формировании духовных ориентиров / М. Л. Шуб // Материалы Всероссийской конференции. XI Славянский научный сбор. «Урал: православная культура». – Челябинск: ЧГАКИ, 2013. – С. 243–250.

44.Шуб, М.Л. Темпоральный статус чтения: ретроориентация, актуализация, модернизация / М. Л. Шуб // Второй Международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 19-21 сент. 2013 г.): материалы форума / М-во культуры Челяб. Обл., ФГБОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств»; сост. В.Я. Аскарлова и др. – Челябинск, 2014. – С. 222–227.

45.Шуб, М. Л. Прошлое и настоящее: специфика событийной презентации / М. Л. Шуб // IX Международная научно-практическая конференция «Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов»: сб. науч. тр. / Обществ. палата Челяб. обл.; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина»; редкол.: Л. В. Виноцкий, Е. А. Захарова, С. Б. Синецкий, Г. И. Ладощина. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2014. – С. 206–209.

46.Шуб, М. Л. Прошлое как основа построения национальной идеи / М. Л. Шуб // Горизонты цивилизации: материалы Пятых аркаимских чтений (Аркаим, 27–30 мая 2014 г.) / под ред. д-ра филос. наук М. В. Загидуллиной. – Челябинск: Энциклопедия. – С. 315–326.

47.Шуб, М. Л. Аксиологический статус модусов времени в представлениях современных россиян / М. Л. Шуб // Молодежь в науке и культуре XXI в.: материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 6–8 ноября 2014 г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск: ЧГАКИ, 2014. – Ч. 1. – С. 52–53.

48.Шуб, М. Л. Классическое наследие в оценках россиян: актуальность прошлого / М. Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 3 (28). – С. 104–115.

49. Шуб, М. Л. Город как сцена: образы прошлого и идентификация горожан в пространстве промышленного города / М. Л. Шуб // Бурлина Е. (руководитель проекта). ГОРОД КАК СЦЕНА. История. Повседневность. Будущее. Интернациональный научно-исследовательский альманах. Авторская группа: Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова, Я. Голубинов. В 2 т. Т. 1. – Самара: Медиа-книга, 2015. – С. 235–244.

50.Шуб, М. Л. Феномен прошлого в системе эмотивного восприятия / М. Л. Шуб // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 517–520.

51.Шуб, М. Л. Традиционное и актуальное в пространстве художественного творчества / М. Л. Шуб // Материалы XVIII Международной кон-

ференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблева Г. Б., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. – Екатеринбург, УрФУ, 2015. – С. 602–607.

52.Шуб, М. Л. Эмоционально-чувственная и рациональная аспектации восприятия прошлого / М. Л. Шуб // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов: сб. науч. тр. / Обществ. палата Челяб. обл.; ЧОУ ВО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина»; редкол.: Г. И. Ладощина, С. Б. Синецкий, А. А. Юнусов, Е. А. Захарова. – Челябинск: ЧОУ ВО «ЧИЭП им. М. В. Ладощина», 2015. – С. 216–219.

53.Шуб, М. Л. Актуальное прошлое: место «memory studies» в системе современных гуманитарных исследований / М. Л. Шуб // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. – № 7–8. – С. 148–152.

54.Шуб, М. Л. Диагностика прошлого: анализ основных методологических подходов / М. Л. Шуб // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 3–4. – С. 163–167.

55.Шуб, М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал / М. Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 3 (36). – С. 80–87.

56.Шуб, М. Л. Феномен памяти: актуальность прошедшего (проблематика памяти в ракурсе современных гуманитарных исследований) / М. Л. Шуб // Материалы XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. – Екатеринбург, УрФУ, 2016. – С. 957–974.

57.Шуб, М. Л. Культурно-историческая память: «архивный» и «деятельностный» подходы к осмыслению / М. Л. Шуб // Архив как источник исторической памяти народа: сб. материалов науч.-практ. конф. (29 сент. 2016 г., Челябинск) / ред. М. В. Ермолаева; Гос. комитет по делам архивов Челяб. обл.; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГАКИ, 2016. – С. 203–209.

Шуб Мария Львовна

**ОБРАЗ ПРОШЛОГО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

печатается в авторской редакции

Формат 60x84 1/16
Заказ №

Объем 2,5 п.л.
Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Челябинский государственный институт культуры»

454091 Челябинск, Орджоникидзе, 36а
Отпечатано в типографии ЧГИК. Ризограф